

ЕЛИЗАВЕТА
ТОПАЛОВА

МЕДНЫЙ ВСАДНИК Э.М. ФАЛЬКОНЕ



Елизавета Топалова

**Медный всадник. Жизненный
путь Этьена Фальконе**

«Алисторус»

2016

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Топалова Е.

Медный всадник. Жизненный путь Этьена Фальконе /
Е. Топалова — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906861-41-2

Книга рассказывает о знаменитом скульпторе Этьене Морисе Фальконе, создавшем шедевральный памятник Петру I в Санкт-Петербурге. На страницах романа читателей ждут встречи с выдающимися личностями эпохи просвещения, среди которых: Вольтер и Монтескье, императрица Екатерина II и Дени Дидро, Адам Смит и Вениамин Франклин, Кенэ и Тюрго... Все они рассуждают о вечных вопросах власти и бытия. В центре повествования – судьба Фальконе, преломленная через осмысление христианской идеи и понимания того, что судьба человека – результат его осознания нравственного пути. Вместе с тем автор, ведущий повествование от лица персонажа Луи, вместе с другими героями книги дает понять, что великие просвещенные правители, подобные Петру I, – это дар судьбы, которая вовсе не случайна... Книга посвящается замечательному скульптору Н. А. Щербакову, удивительное сходство которого – как внешнее, так и внутреннее – со знаменитым Э. М. Фальконе вдохновило автора на написание этой книги.

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906861-41-2

© Топалова Е., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Встреча с Сократом	7
Время Помпадур	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Е. Топалова
Медный всадник
Жизненный путь Этьена Фальконе

© Топалова Е. 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Встреча с Сократом

Будущий скульптор Этьен Морис Фальконе родился 1 декабря 1716 года. В 1715 году умер король-солнце Людовик XIV, и его малолетний внук Людовик XV вступил на французский престол. Историки назовут это время началом века Просвещения, а сыну парижского ремесленника, рожденному на рубеже веков, суждено будет создать символ своего времени – грандиозный монумент русскому монарху Петру I, уже при жизни названному Великим далеко за пределами своего отечества.

По странной случайности судьбы в это же самое время за тысячи верст от Парижа, в Санкт-Петербурге, стареющий итальянец Карло Растрелли, не нашедший счастья во Франции, сделает эскиз памятника Петру I, примеряясь к могучему образу. Но он увидит в русском самодержце лишь беспощадного воина, пугающего гневной исступленностью взгляда. Этот жестокий облик не объяснял и не оправдывал неистребимой любви русского народа, радостно и бесстрашно последовавшего за своим суровым повелителем.

Еще одно знамение судьбы отметило появление на свет младенца Фальконе: через полгода сам царь Петр Алексеевич прибыл в Париж. Говорили, что он приехал с мыслью сосватать свою дочь Елизавету за юного французского короля, обручение которого с испанской инфантой расстроилось незадолго до этого. Царь Петр был высок ростом и хорош собой. Несмотря на простоту и даже некоторую грубоватость в обращении, все в нем оставляло ощущение значительности и незаурядности. Французы, привыкшие к манерной роскоши своих капризных королей, с удивлением и симпатией отмечали его полное пренебрежение к придворному этикету. Русский монарх много общался с ремесленниками и рабочими. Блестящий и точный ум позволял ему по достоинству оценивать каждого. В Париже ходили легенды о фаворите Петра I Меншикове, бывшем мальчишке-пирожнике, ставшем вторым человеком в государстве.

Это был второй приезд Петра I в Европу. Первый раз, оставив Россию, молодой царь под именем простого мастерового отправился на европейские верфи осваивать ремесла, так нужные тогда его нищей невежественной стране. Через десять лет после приезда в Париж, победоносно закончив Северную войну со Швецией и оставив могучее государство, он скончался. Но воспоминания о русском царе еще долго жили во Франции, хотя его дочери Елизавете так и не суждено было стать французской королевой. Зато она на двадцать лет воцарилась на русском престоле, смиренно переживая недолговечные царствования Екатерины I и Петра II, Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича с Анной Леопольдовной. Так и оставшись безбрачной, она сохранила тайную привязанность к беззаботному французскому королю, а вместе с ним и к прекрасной Франции.

Однако смена династий русских царей мало заботила семью Фальконе. Мальчик рос, и его нужно было обучать какому-то делу. Ремесло его дяди по матери, который мастерил манекены под парики, казалась более или менее подходящим. Так случилось, что великая душа нашла выход в том, что лежало ближе всего. Он с детства ощущал в себе какое-то смутное призвание. Что-то внутри постоянно твердило ему об этом, настойчиво подталкивая, внушая беспокойство и уверенность.

И вот однажды застенчивый семнадцатилетний юноша решился на невиданную дерзость – он явился к прославленному королевскому скульптору Ле-Муаню с просьбой помочь ему стать художником. Он замирал от страха и надежды, ожидая решения своей судьбы.

Но Этьен понравился Ле-Муаню. Он долго разглядывал юношу.

– Ты похож на Сократа, – сказал он наконец, – и это хорошо. Скульптор должен быть философом, а Сократ – мудрейший из всех философов. Так признал дельфийский оракул в Древней Греции. – Ле-Муань назидательно поднял вверх палец. – Признал, несмотря на то, что сам Сократ всегда говорил: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю».

– А может быть, именно поэтому, – немного подумав, добавил он. – Так по крайней мере считал сам Сократ: из всех людей всех мудрее тот, кто, подобно Сократу, знает, что поистине ничего не стоит его мудрость.

Ле-Муань замолчал, потом шутливо заметил:

– Но прежде чем стать философом, Сократ, как и его отец Софрониск, был каменотесом, скульптором. Бог, говорят, тоже лепил людей из глины, так что наша профессия сродни божественному промыслу.

Этьен зарделся.

– Ты не очень-то гордись, – расхохотался Ле-Муань, глядя на смущенного юношу. С виду Сократ был вовсе не мудрец, и один ученый-физиогном, увидев его, сказал, что он родился с дурными наклонностями и склонен ко всем возможным порокам. И самое главное – Сократ подтвердил, что это действительно так. Но ему удалось с помощью разума победить свои пороки и обуздать страсти.

Ле-Муань прошелся по мастерской и уже серьезно продолжил:

– Разум дан человеку для того, чтобы узнавать, что полезно и что вредно, и придумывать средства получать полезное и избегать вредного. Разумный человек всегда добродетелен, так как лишь добродетель полезна человеку. Зло творится по незнанию, неведению, и поэтому порочный человек подобен безумцу. Быть свободным – значит поступать разумно, то есть самым наилучшим образом. Но истине и добродетели нельзя научиться – они даются только собственным опытом. Древние греки считали, что лучшие и худшие части земли и вселенной предназначены для тех, кто заслуживает воздаяния за добродетели и наказания за свои пороки. С хорошим человеком не может случиться ничего плохого, ни при его жизни, ни после его смерти.

– Но возможно, что земные дела имеют земной исход, – загадочно произнес Ле-Муань и надолго замолчал. – Хотя, – вновь встрепенулся он, – Сократ считал, что душа человека бессмертна, но, поскольку она подвержена порче в зависимости от земного образа жизни, то когда человек умирает, она отправляется в Аид – царство мертвых. Пробыв там срок, какой должно, чтобы очиститься, она снова возвращается в земной мир. И так повторяется вновь и вновь через долгие промежутки времени. Поэтому кто знает – может быть, душа Сократа уже узнала высшую мудрость, чтобы принести ее в этот мир? – И Ле-Муань лукаво взглянул на Фальконе.

– Если ты умен и наблюдателен, – продолжал он, – то поймешь, что в жизни надо избегать двух вещей – лени и распутства. Будь добродетелен – это главное. Люди иногда считают дурного человека справедливым, но боги никогда не ошибаются. Они всегда на стороне справедливого. Но все дело в том, чтобы знать, что есть добродетель. В этом первая часть философии Сократа. Сократ не считал, что ему дано такое знание, и всю жизнь посвятил постижению этой истины. По Сократу, цель и смысл человеческого существования – в совершенствовании своей души. Истинный путь человеческого познания состоит в том, чтобы уразуметь божественную мудрость, управляющую всеми делами человека. Всякое другое познание – бесполезная и суетная трата сил. Сократ скептически относился к спорам о камнях, эфире, воде и земле, считая, что главное – это знание о человеке, его душе и теле, пороках и добродетелях. Умствующих о небесных явлениях он прежде всего спрашивал, приступают ли они к ним, уже достаточно познав человеческое. Не надо приписывать разуму могущество, которым он не обладает. Разум пригоден лишь на то, чтобы вызвать сомнение во всем, и наши познания могут привести человека лишь к признанию того, что он ничего не знает. Путь познания труден и тернист, однако боги указывают человеку дорогу своими знаменами. Не каждому дано заметить и понять их, но и тот, кому доступно знание, не всегда следует ему. Это вторая часть сократовой философии: почему человек, зная, что хорошо, поступает часто наоборот?

Ле-Муань надолго замолчал, затем продолжил:

– Но это по-видимому не относится к самому Сократу. Оракул, к которому отец Сократа обратился за советом о характере воспитания сына, сказал ему, что тот уже имеет внутри себя руководителя, который лучше тысячи наставников и учителей: пусть он поступает так, как ему заблагорассудится, в соответствии со своей внутренней потребностью. В молодости Сократ решил посетить храм Аполлона в Дельфах и увидел написанное на дверях храма изречение одного из семи греческих мудрецов – спартанца Хилона: «Познай самого себя». После этого он оставил ремесло каменотеса и занялся философией, которую сравнивал с повивальным искусством своей матери, повитухи Фенареты.

Фальконе удивленно взглянул на Ле-Муаня.

– Нет, – рассмеялся тот, – Сократ не рожал сам, он лишь помогал рождению истины. Правда, помогал он лишь тем, в ком видел хоть какие-то признаки душевной беременности. Сократ никогда никого не учил, ничего не писал. Он философствовал в своих беседах, которые были записаны его почитателем Платоном и благодаря этому дошли до наших дней. В беседах Сократа – вся его философия, проповедующая ироническое отношение к человеческой мудрости. Обычно свои беседы с философами, претендующими на знание истины, он начинал с общепринятых рассуждений, поддакивая собеседнику и охотно соглашаясь с ним. Но затем несколько его наивных вопросов заводили самонадеянного умника в тупик и заставляли его убедиться в полной абсурдности своего первоначального мнения. Многие беседы Сократа заканчивались тем, что раздосадованный собеседник начинал упрекать Сократа в том, что он, притворяясь незнающим, нарочно путается, чтобы запутать других, и специально ловко подсовывает для подвоха каверзные вопросы. Сократ на это лишь разводил руками и отвечал: «Ведь не то, что я, путая других, сам ясно во всем разбираюсь, просто я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что такое добродетель».

Ле-Муань прошелся по мастерской.

– Добро, добродетель... – задумчиво произнес он. – Идея добра для внутреннего мира то же, что солнце для внешнего. Кто знает – может быть, добро не есть сущность вещей, но гораздо выше этой сущности. Так говорил Сократ. И образ жизни его был достоин мудреца. Он проповедовал воздержание в удовольствиях, еде и питье, круглый год ходил босой в старом поношенном плаще. Однако личность его была настолько популярна, что даже золотая афинская молодежь, подражая Сократу, тоже стала щеголять в лохмотьях. Одному из таких своих поклонников Сократ сказал, что сквозь дыры его плаща просвечивает тщеславие. Сократ не считал, что имеет право кого-то учить, а тем более брать за это плату. Многие ему говорили: значит, твоя мудрость ничего не стоит, раз ты не берешь за нее деньги? Но и это не могло заставить его отступить от однажды принятого правила. Берущих плату за обучение своему знанию он сравнивал с теми, кто продает свою красоту за деньги. А ведь он прав – то, что не имеет цены, – бесценно!

– Но, может быть, аскетизм Сократа был вынужденным, – вздохнул Ле-Муань. – Философия – занятие неблагодарное, и тот, кто ищет истину, рискует умереть от голода. Ведь люди всегда могут прожить и по-старому, поэтому новорожденная истина никому не нужна. Сократу еще повезло – у него был товарищ, достаточно богатый для того, чтобы дать своему другу возможность совершенствоваться в философии. – Ле-Муань грустно вздохнул: – Мы, художники, сходны в этом с философами: все наши замыслы зависят от великих мира сего, которые дают нам возможность их осуществлять. Но они же и губят наши замыслы по капризу или невежеству.

– Значит, художник, чтобы стать свободным, должен быть богат? – полуутвердительно-полувопросительно произнес Фальконе.

Ле-Муань внимательно взглянул на юношу и, помолчав, ответил:

– Нет, деньги не всегда дают возможность творить. Но чтобы стать свободным, нужно, как Сократ, выпить чашу с ядом.

– Да, Сократа казнили, – продолжал он, отвечая на немой вопрос Фальконе. – Его обвинили в том, что он не почитает богов, в которых верят афиняне, и вводит какое-то новое божество, которое ставит выше всех прочих богов. Он часто упоминал в своих беседах о каком-то божестве внутри себя, голос которого удерживает его от дурного и побуждает к добру. Это есть голос совести, который вкладывается в нас уже при рождении и благодаря которому мы различаем доброе и злое, хорошее и плохое.

– На суде Сократа представили как главу философской школы софистов, хотя именно он и не признавал их теории относительности нравственных понятий, – пояснил Ле-Муань. – Его обвинили в упадке нравственности и в развращении афинской молодежи: он воспротивился запрету вести беседы с юношеством. Но дело было, конечно, не в этом. Сократ осуждал богатство и роскошь, почитаемые в Афинах, и приветствовал спартанский образ жизни, где строго ограничивалось количество имущества у граждан. В Афинах, где было демократическое правление, это было равносильно государственной измене и пособничеству аристократической Спарте – извечной противнице свободных Афин.

Ле-Муань опять надолго замолчал, о чем-то задумавшись, затем вновь заговорил:

– Сократ и не скрывал своих взглядов. Демократия, говорил он, – это самая соблазнительная с виду форма правления, но в сущности свобода, доведенная до крайности, ведет к рабству. Каприз всякого есть закон. Равенство царствует среди вещей неравных. Такое государство гибнет от излишка своего же принципа – свободы. Она превращается в рабство, так как обыкновенно один из демагогов захватывает власть и становится тираном. Власть, основанную на воле народа и на государственных законах, Сократ называл царством, а власть против воли народа и основывающуюся не на законах, а на произволе правителя называл тиранией. Там, где граждане разделены на богатых и бедняков, власть принадлежит богатым в ущерб бедным. В таком государстве полно нищих, воров и разбойников, сдерживаемых одним страхом. Однако такой порядок не может продолжаться долго, он вызовет революцию. Сократ предлагал, подобно Спарте, ввести в Афинах закон против роскоши и бедности. Естественно, что это заставляло афинских «патриотов» с тугими кошельками подозревать его в проспартанских настроениях и обвинять в предательстве интересов своей родины. Хотя в действительности именно Сократ был истинным патриотом Афин. Он хотел их возрождения хотя бы ценой подражания аристократической Спарте, законы которой, установленные Ликургом, он считал более разумными.

– Тем не менее Афины достигли такого же могущества, как и Спарта, – заметил Фальконе.

Ле-Муань покачал головой.

– Афины были уже не те, что раньше. Золотой век демократии Перикла ушел в прошлое. Да и был ли он демократией? По названию это была демократия, а на деле – правление лучшего из мужей. Да, Перикл не считал речей вредными для дела: больше вреда, по его мнению, происходит, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами. Поэтому, считал он, бесполезен человек, не участвующий в государственных делах и в обсуждении действий правителей. Однако обсуждение не мешало Периклу так поступать, как он сам считал верным. Но он был достаточно умен, чтобы изображать дело так, чтобы демос считал, будто все решения принадлежат ему. Перикл мог подчинить своей воле народное собрание одним искусством оратора. Не столько масса руководила им, сколько он – массой. Он не льстил толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей. Древнегреческий историк Фукидид писал, что Перикл был первый из афинян своего времени, сильный словом и делом. Всем известна была простота и умеренность жизни Перикла, почти все свое время посвящавшего государственным делам. Он принимал у себя и молодого Сократа, и поэта Софокла, и знаменитого ваятеля Фидия. Афины достигли при нем своего высшего могущества, но кто знает, что было тому причиной: демократия, Перикл или деньги греческих городов, сделавших Афины своим банкиром?

– А что же спартанская аристократия? – наивно спросил Фальконе.

– Сократ был выше и демократии, и аристократии. Он говорил только о том, что править должны знающие, а способность к постижению истины дана лишь немногим. Люди разделяются на невежд, которые ничего не знают, на тех, которые думают, будто они что-либо знают, принимая внешность за сущность, и имеют только мнения. Наконец, третьи суть истинные философы. Эти-то последние и призваны управлять государством. Философа можно узнать по страстной любви к знанию, правде, по легкости памяти, глубине мысли и равнодушию ко всему мирскому. Цари – это не те, кто носят скипетры или достигли власти насилием и обманом, но те, которые умеют править и через справедливые законы добиваться блага для всех. Неважно, какая форма правления будет в стране, главное – чтобы на троне были философы. Культ личности – вот что было главным для Сократа. Культ и власть личности в противовес власти безличности и бездарности. В этом гармония философии Сократа: в отдельном человеке – это господство разумной души над неразумным телом, в человеческом обществе – это господство разумных законов и правление людей знающих. Конечно, знание – вещь относительная, и человеческие законы лишь приближаются к естественному праву, установленному в мире. Но безумно спрашивать богов о том, кому лучше доверить управление лошадью – человеку, умеющему держать вожжи или не умеющему, лучше взять на корабль умеющего править судном или не умеющего. Проблемы не решаются ни большинством голосов, ни царской волей. Они решаются только знанием. Поэтому вовсе не обязательно всеобщее одобрение какого-либо решения или закона, принятого разумным правителем, на народном собрании, главное – чтобы оно соответствовало всеобщему благу, а понимание этого доступно немногим, – говорил Сократ и не боялся высказывать свое мнение, открыто издеваясь над невежеством должностных лиц, избранных большинством голосов или путем жребия, которому приписывали божественную волю. Чего стоило одно заявление Сократа на афинском народном собрании, решавшем вопрос о нехватке лошадей! Иронизируя над всевластием афинского демоса, он посоветовал и этот вопрос решить демократически и путем голосования превратить ослов в лошадей. Неудивительно, что те, кто знал о столь нелестном мнении Сократа о решениях «большинства афинян», единодушно проголосовали за предание его смертной казни.

– Неужели его нельзя было спасти? – спросил Этьен.

– Он мог бы спастись, – ответил Ле-Муань. – Его друг и покровитель Критон хотел купить стражу и устроить ему побег, но Сократ отказался. Ксантиппа, жена Сократа, упрекала его в бессердечии и говорила, что не надо было тогда заводить детей, если он выбрал себе такой путь. Но Сократ оставался непреклонным: ни дети, ни жизнь, ни все другое не может быть выше справедливости. Единственный судья наших поступков – истина. Не стоит заботиться о том, что скажет о нас толпа. Не ставь ничего выше справедливости и последуй без боязни туда, куда ведет нас бог. Тогда Ксантиппа, сокрушаясь, горестно сказала ему: «О какой справедливости ты говоришь, ведь ты осужден несправедливо!» «А разве ты хочешь, чтобы меня осудили справедливо? – ответил ей на это Сократ. – Справедливость вовсе не в том, чтобы избежать несправедливого наказания. Недопустимо воздавать злом за зло. Лучше самому претерпеть несправедливость, чем творить ее. А нарушать законы – несправедливо. Человек должен выполнять обязательства и соглашения, заключенные с обществом. Согласившись стать членом своего государства, он должен свято чтить его порядки и установления. Законы дали мне все блага, которые в их власти, поэтому надо принять и несправедливое». Почтение к закону эллины считали присущей им главной чертой, отличающей их от варваров-неэллинов. На вопрос «Как угождать богам?» – дельфийский оракул отвечал: «По городским уставам», то есть по сложившимся порядкам. Законы могут быть несовершенны, и они меняются, но все, что существует, разумно, и то, что разумно, всегда действительно. Государство сильно не законами, а повиновением законам. Если гражданин не может предотвратить несправедливость государственных решений, он должен подчиниться им. Отечество и законы выше и дороже и

матери, и отца, и всех предков. Учинять насилие над матерью или отцом, а тем паче над отечеством – нечестиво, – утверждал Сократ.

– Истинный мудрец не может закончить свою жизнь иначе, – заключил Ле-Муань. – Новая истина всегда нарушает существующие установления и поэтому подлежит наказанию.

Она входит в мир как преступница, чтобы потом стать законодательницей. Но для этого тот, кто принес ее в мир, должен принести себя в жертву.

Ле-Муань стал другом и заботливым наставником юноши. В беседах о Сократе быстро прошло время. Когда через несколько лет Этьен решил жениться, учитель не стал его отговаривать и лишь ответил словами своего любимого философа:

– Как бы ты ни поступил, все равно будешь раскаиваться.

– Но ведь и сам Сократ был женат, – пытался возразить юноша.

– Да, Сократ действительно женился, но он сделал это, когда ему было далеко за сорок, – ответил Ле-Муань. – К тому же существует множество анекдотов о супружеской жизни Сократа. – И Ле-Муань вновь, в который раз, стал рассказывать ему историю о том, как сварливая жена Сократа Ксантиппа по дороге на рынок как обычно, громко осыпала его бранью. Встречные люди при виде этого зрелища в удивлении останавливались. «Это гром», – невозмутимо объяснял им Сократ. Ксантиппа, и вовсе взбесившись от этих слов, в ярости выплеснула на него кувшин с водой. «А вот и дождь!» – шутливо заключил Сократ.

«Как ты можешь терпеть у себя в доме такую жену?» – возмущались окружающие. – «Но вы же терпите каждый день гвалт своих гусей», – возразил Сократ. «Гуси приносят нам яйца и мясо», – сказали ему. «А моя жена приносит мне детей», – отвечал Сократ.

– Но это вовсе не значит, что Сократ считал женщин чем-то вроде животных, – добавил Ле-Муань. – Он первым из греков утверждал, что женщины тоже могут быть философами, если будут к тому способны.

Семейная жизнь Фальконе не была ни счастливой, ни долговечной. Вскоре у него родился сын, которого называли Пьером. Заботы о семье тяжким бременем легли на плечи молодого отца. Фальконе упорно работал. Ему, который до этого умел лишь читать и писать, ничего не стоило выучить латынь и греческий, чтобы читать в подлинниках сочинения великих философов древности. Он хотел осмыслить свой труд художника и поэтому взялся за Плиния.

Многотомные сочинения Плиния-старшего, древнего правителя Испании, неутомимого собирателя знаний, содержали в себе все, что было известно римскому миру. Плиний был человеком необыкновенного трудолюбия и любознательности. Всякий час, не посвященный умственным занятиям, он считал потерянным. Насколько это было возможно, отнималось время даже у сна. Читались всякие книги, даже плохие, так как, по мысли Плиния, нет столь дурной книги, из которой нельзя было бы извлечь хоть какой-либо пользы. Не было такого места и времени, которые бы он считал неудобными для пополнения своих знаний: в дороге, в бане, за обедом и после него, на прогулках – его всегда сопровождал секретарь, обязанный читать что-либо вслух или писать под его диктовку. Плиний писал о красноречии и слоге, о войнах с германцами и умении метать копье, изложил в десятках книг свою естественную историю и погиб на 56-м году жизни, заглянув в жерло извергающегося Везувия.

Фальконе извлек из Плиния все, что относилось к живописи и ваянию, почерпнув оттуда множество сведений об истории античного искусства. Но восторг вскоре сменился разочарованием. Как, например, разделить восхищение Плиния громадностью размеров статуи или поверить ему, что Лисипп сделал более 1500 статуй, а Силапион сделался хорошим скульптором потому, что ни у кого не учился?

Вскоре Ле-Муань повел его в Версальский замок, где находилась королевская резиденция.

– Не воображай, что я буду тебя чему-то учить, – наставлял он юношу, проводя его галереями дворца. – Тебя будут учить великие художники, а моя задача лишь указать тебе на них.

Ты талантливей меня. Я всего лишь трудолюбив. Но не думай, что этого мало. У меня нет самонадеянности таланта, и в этом мое преимущество. Талант, помноженный на труд, создает гения. Но и гений не всегда получает признание. Сейчас я покажу тебе работы Пюже. Пюже был величайший скульптор своего века. Он сделал для Людовика XII группу Персея и Андромеды, а также Милона Кротонского – верх скульптурного совершенства. Однако нашлись «честные» люди, которые наговорили королю, что этот провинциальный скульптор – он был родом из Марсея – не умеет сопоставлять фигуры, и эти чудные творения были сложены в кладовке, откуда их вытащили лишь после смерти виновника этого заточения. Пюже был гордого и независимого нрава, ни дураки, ни негодяи его не жаловали. Увы, суд над художником часто вершат те, кто ничего не смыслит в прекрасном. Лучше держаться подальше от великих мира сего. Пюже не повезло. Такова, видно, была его судьба.

Ле-Муань оглянулся на притихшего Фальконе и приободрил его:

– Может быть, тебе повезет больше.

Он с благоговением остановился перед большой скульптурной группой.

– Милон Кротонский, терзаемый львом, – указал он и пояснил: – Милон Кротонский – это легендарный герой Древней Греции, многократный победитель Олимпийских игр, обладавший феноменальной силой и ловкостью. Однажды он взялся расщепить руками огромный пень, который несколько дровосеков не могли разрубить топорами. Но произошло ужасное, трагическое стечение обстоятельств: случайно он защемили руку, и в этот момент на него бросился хищник. Зверь опрокинул его на землю. Всей тяжестью своего тела Милон придавил другую руку и оказался безоружным. По преданию, боги наказали его за самонадеянность. Он считал себя неуязвимым настолько, что перестал признавать их власть. Но человек не может быть сильнее богов. Он должен подчиняться их воле, и от этого зависит его судьба. Как бы ни был силен человек, его поединок с судьбой предрешен: человек неминуемо потерпит поражение в этой схватке.

Фальконе как зачарованный смотрел на фигуру атлета. Боль, ужас, бессильная ярость и отчаяние, с удивительной силой выраженные великим художником, поразили его. Но он уже знал, что лучше Пюже сможет выразить загадочный образ умирающего героя античности.

Через несколько лет его «Милон Кротонский» принесет ему славу и признание современников, а Парижская королевская академия живописи и скульптуры причислит 27-летнего скульптора к назначенным, а еще через десять лет – за исполнение скульптуры в мраморе – к действительным своим членам.

В 1745 году гипсовая группа была показана в Квадратном салоне Лувра – периодически возобновляемых выставках Академии. Эти выставки открывались каждые два года 25 августа, в день Святого Людовика, и продолжались в течение месяца. Все замечали поразительное сходство фигуры с автором. Фальконе и не скрывал этого. В Милоне Кротонском он изобразил себя.

– Голова атлета простонародна, потому что я лепил ее по своей, – говорил он.

– Ты не суеверен? – спрашивали его друзья. – Ты не боишься повторить судьбу своего героя?

Фальконе лишь улыбался в ответ. Нет, он ничего не боялся. Он знал, что лучшие части человеческой вселенной принадлежат ему. Иначе и не могло быть, потому что он твердо следовал образу жизни своего кумира – Сократа, даже внешние черты которого с каждым годом все отчетливее проступали в лице молодого скульптора. Он с тайной радостью отмечал это, вглядываясь в свое отображение острыми глазами художника. Сам ли он себя создал, или случайная фраза Ле-Муаня, брошенная в первую их встречу, определила нравственный выбор Фальконе, но в окружении парижской богемы он всегда оставался аскетом, с суровой настойчивостью непоколебимо следующим пуританской чистоте жизни.

У гипсовой скульптуры остановилась молодая красивая дама с живыми внимательными глазами. Это была Жанна Антуанетта Пуассон, которая вскоре обосновалась в Версале под именем маркизы де Помпадур. Могущественная фаворитка короля Людовика XV почти на два десятилетия станет добрым ангелом и надежной покровительницей Фальконе.

А в это время русская императрица Елизавета Петровна, недавно возведенная на престол, пригласила в Россию пятнадцатилетнюю Ангальт-Цербстскую принцессу Софью, ставшую вскоре супругой ее голштинского племянника Петра, будущую императрицу Екатерину II.

Время Помпадур

Маркиза де Помпадур была дочерью лакея Пуассона, впоследствии ставшего поставщиком провиантского ведомства, по рассказам, весьма бестолкового и к тому же нечестного. Но считают, что настоящим ее отцом был синдик Ленорман де Турнэм, благодаря которому Жанна Антуанетта получила блестящее образование. Она прекрасно пела и музицировала, рисовала, играла на сцене. В 19 лет она вышла замуж за племянника своего покровителя, Ленормана д'Этиоля, но замужество не мешало ей весело проводить время в обществе золотой молодежи Парижа. Людовик XV случайно увидел ее и после смерти герцогини де Шатору сделал своей официальной фавориткой под именем маркизы де Помпадур. Маркиза оказалась не только красива и талантлива, но и честолюбива. Король с радостью передоверил ей скучные государственные дела, к которым она проявляла куда больший интерес, чем он сам. Видимо, на нем сказались долгие годы регентства Филиппа Орлеанского. Ведь еще задолго до появления Помпадур он с легкостью передал управление в руки кардинала Флери, который вовлек Францию в войну сначала за польское, а затем за австрийское наследство. Со временем и Помпадур обвинят в том, что она способствовала вовлечению Франции в Семилетнюю войну и ее поражению в этой войне, что она распоряжалась государственной казной как собственным кошельком и привела страну к финансовому разорению. Король же предавался праздности и развлечениям, а когда его предупреждали о грозящей катастрофе, отвечал: «После нас хоть потоп».

Госпожа Помпадур имела огромное влияние на короля, направляя внутреннюю и внешнюю политику, она фактически правила Францией. По желанию Помпадур смещались и назначались министры и главнокомандующие. Благодаря ей на пост министра иностранных дел был назначен герцог Шуазель, выдвинутый взамен кардинала Флери.

Она любила увеселения и сорила деньгами. Блестящие празднества, особняки и наряды поглощали массу денег. Машо, министр и главный контролер финансов, пытался навести порядок в казне, но по требованию Помпадур Людовик XV удалил его. Считают, что за 19 лет правления Помпадур на прихоти этой женщины ушло 37 миллионов ливров. Изысканный вкус Помпадур создал своеобразную моду в мебели и архитектуре, в «роскошно-небрежном» стиле одежды. Она не скупилась на щедрые подарки художникам, артистам и писателям. Поистине это был для них золотой век.

Маркиза Помпадур давала заказы Фальконе через своего брата, маркиза де Мариньи, которого она назначила управляющим всеми королевскими строениями. Благодаря ее покровительству Фальконе был назначен руководителем скульптурной мастерской Королевской фарфоровой мануфактуры, которую маркиза перевела из Венсена в Севр. Миниатюрные изображения маркизы де Помпадур, выполненные Фальконе по рисункам Буше – первого живописца короля, – были чрезвычайно популярны. Помпадур с удовольствием дарила собственные изображения из бисквита – теплого мягкого камня – своим друзьям и знакомым. Фальконе выполнил по королевским заказам статую «Садовница» для замка Кресси и статую «Музыка» для замка Бельвю. Самый большой успех выпал на долю «Музыки». Это было изображение молодой поющей женщины с лирой в руках. У ног ее был свиток с надписью: «Эглэ» – название балета, в котором маркиза в роли главной героини Эглэ покорила своей игрой и пением весь Париж. Статуя не была портретом Помпадур, она лишь напоминала об ее успехе.

Фальконе не осуждал свою покровительницу. Он знал, что ее жизнь вовсе не так легка и безоблачна, как виделось издали. Легкомысленный король вскоре охладел к ней. Она не была ни любимой, ни единственной, но смогла остаться необходимой.

Через несколько лет тяжелая болезнь настигла Людовика XV. Жизнь его висела на волоске, но судьбе было угодно пощадить его. По случаю чудесного выздоровления короля Фальконе получил заказ на группу «Франция, обнимающая Людовика XV». Эта группа была

создана по рисунку живописца Куапеля в виде бюста короля на постаменте-колонне с преклоненной перед ним женщиной, символизирующей Францию. Фальконе был недоволен своей работой: она казалась ему слишком манерной и фальшивой, но он не мог отступить от заданного изображения.

25 августа 1748 года группа была выставлена в Салоне, а автор получил приглашение одной влиятельной особы, собиравшей у себя парижских знаменитостей. В 1748 году Мария Терезия Жоффрен, жена состоятельного владельца зеркальной мануфактуры, открыла в Париже салон, который очень скоро стал считаться самым модным в столице. Завсегдатаями салона стали барон Гольбах и Мельхиор Гримм – великосветский посредник между придворной аристократией и набирающей силу верхушкой третьего сословия. В то время во Франции было два привилегированных сословия: дворянство и духовенство; третье сословие, включавшее всех остальных, было податным. Но разбогатевшая его часть уже давно жаждала передела власти и начинала говорить о том, чтобы ее политическая роль соответствовала экономическому весу.

Мадам Жоффрен была не первой молодости, но довольно обаятельная и образованная дама. На вечерах у этой новой законодательницы литературных и художественных вкусов стало собираться так много гостей, что пришлось строго расписывать дни: понедельник предназначался для художников, среды – для литераторов. Но поначалу вся парижская богема собиралась у нее в одно и то же время. Иногда к мадам Жоффрен заезжала и госпожа Помпадур, бывал у нее и Станислав Понятовский, будущий польский король. Хозяйка дома состояла в переписке с некоторыми царствующими особами: сама Мария Терезия, эрцгерцогиня австрийская, советовалась с нею при выборе зятя.

Когда Мария Терезия, старшая дочь австрийского императора Карла VI, после смерти отца в 1740 году вступила на австрийский престол, она столкнулась со множеством претендентов, оспаривающих ее права на владение всеми землями австрийской империи. Прусский король Фридрих II не преминул воспользоваться женской слабостью и заявил о древних правах своего дома на Силезию. Были притязания и со стороны Испании. Франция просто хотела использовать благоприятный момент, чтобы ослабить свою давнюю соперницу – Австрию: к союзу, который она заключила с Баварией, подключились также Пруссия и Саксония. Но Мария Терезия получила настоящее мужское воспитание: с 14 лет отец уже брал ее на заседания государственного совета. Кроме того, ее супруг, герцог Лотарингский, в 1745 году был коронован австрийским императором под именем Франца I.

Война за наследство продолжалась до 1748 года. В этот год был наконец заключен Аахенский мирный договор, подтвердивший права Марии Терезии, но Силезию ей все же пришлось уступить Фридриху II. С приходом Помпадура политика Франции в отношении Австрии изменилась настолько резко, что спустя восемь лет, в 1756 году, Франция вступила на стороне Австрии в Семилетнюю войну, которая лишила Францию почти всех ее заморских колоний. Но это будет позднее. А пока мадам Жоффрен принимала у себя парижских знаменитостей.

Кумиром вечера был, конечно, Вольтер. Пятидесятидвухлетний Франсуа Мари Аруэт был в зените славы. Дважды он заключался в Бастилию за свои вольнодумные сочинения, после чего был выслан из Франции, жил в Англии, где пришел в восторг от английских буржуазных порядков. После нескольких лет изгнания он наконец с триумфом вернулся на родину, где получил должность королевского историографа. Совсем недавно он получил приглашение и ко двору прусского короля Фридриха II. Когда Фальконе появился в гостиной, Вольтер, потрясая какой-то книгой, восклицал: «Вот руководство для всех монархов, желающих быть просвещенными!» «Дух законов» – так было написано на обложке. Автор – Шарль Луи Монтескье – скромно сидел рядом. Эту книгу он писал двадцать лет.

Тихим голосом он объяснял: «Во все времена хотели знать, какой образ правления считать наилучшим. Когда правит один, но посредством установленных неизменных законов, –

это монархия. Когда один правит по своему произволу, без закона и без правил, мы имеем деспотическое правление. Республика больше всего нуждается в разумности граждан. Когда является много граждан, равных по достоинствам и добродетели, правление должно превратиться в демократическое. Демократия покоится на имущественном равенстве, она годится для малых государств, единодержавие же – для больших. Но истинная свобода там, где есть разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, где эти власти противостоят друг другу. Эта тройственная схема неуклонно осуществлена в английской конституции. Законодательная власть должна быть вручена парламенту, избранному представителями народа. Королю должна принадлежать исполнительная власть, то есть наблюдение за исполнением изданных законов, а между ними должны стоять судьи, избранные тем же путем, что и парламент. Лишь равновесие этих властей позволяет избежать возможных злоупотреблений безграничной власти и обеспечить господство всеобщей воли, которая стремится к общественной пользе. Мы не можем изменить природные начала людей. Сосредоточение власти в одних руках или у одной из властей делает ее неконтролируемой и способствует злоупотреблениям, противопоставление же пороков и амбиций друг другу дает баланс интересов. Такой государственный механизм существует в Англии».

«Не надо выдавать Англию за образец политического устройства, – резко возразил Монтескье какой-то молодой человек с бледным лицом и ясными мечтательными глазами. – Лондонский парламент никогда не опирался на демократическую стихию, и министры чаще всего назначались королем из лидеров влиятельных партий.

Из того, что всеобщая воля всегда стремится к общественной пользе, вовсе не следует, что решения народа всегда справедливы. Всеобщая воля может и заблуждаться. Всегда желаешь своего блага, но не всегда его видишь. Никогда не подкупишь народ, но часто его обманывают.

Начиная с древнейших времен всегда много спорили о наилучшей форме правления, не принимая во внимание того, что каждая из них является лучшей в одних случаях и худшей в других. Демократию считают народной формой правления, но народ, который бы всегда хорошо управлял, не нуждается в том, чтобы им управляли. Если бы существовал народ богов, он имел бы демократический образ правления. Такой совершенный образ правления не подходит для людей. Если понимать это буквально, то демократия никогда не существовала и никогда не будет существовать. Нельзя себе представить, чтобы народ оставался постоянно собранным для занятий общественными делами. Если демократия и возможна, то лишь в маленьком государстве, где легко собрать народ и где каждый гражданин знает всех остальных, где существует равенство рангов и имущества, без чего не могло бы долго существовать равенство в правах и во власти. Прибавим к этому, что не существует формы правления, более подверженной гражданским войнам и внутренним волнениям, чем демократический, или народный, образ правления.

Наилучшим и самым естественным порядком является такой, когда самые мудрые управляют массой, если только существует уверенность в том, что они ею управляют для ее выгоды, а не для своей. Такая форма правления была в аристократической Спарте, где было строгое равенство и умеренность среди богатых. По мере того как первенство богатства и могущества перевесило естественное неравенство, аристократия стала наследственной, а это наихудшая из всех форм правления.

Законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Но общественная сила нуждается в своем собственном агенте, который бы ее собирал и приводил в действие сообразно распоряжениям общественной воли. Государь не может быть выше законов, так как они создаются общей волей, а государь – член государства. Поэтому я называю республикой всякое государство, управляемое законами.

Монархия в таком случае тоже является республикой, если она руководствуется волей, которая есть закон. Тот, кто повелевает людьми, не должен повелевать законами, и тот, кто повелевает законами, не должен повелевать людьми. В противном случае его законы, будучи орудием его страстей, служили бы только упрочению несправедливости. Когда Ликург давал своему отечеству законы, он начал с того, что отказался от престола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.